

УДК 81-13 (575.2) (04)

https://doi.org/10.33619/2414-2948/78/93

**АВДИЙ КАЛЛИСТРАТОВ, РОБЕРТ БОРК И АРСЕН САМАНЧИН:
ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ И ГЕНЕТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ (ПО РОМАНАМ Ч.
АЙТМАТОВА «ПЛАХА», «ТАВРО КАССАНДРЫ» И «КОГДА ПАДАЮТ ГОРЫ»)**

©*Sardarbek kzy N.*, канд. филол. наук, Киргизский национальный университет имени Жусупа Баласагына, г. Бишкек, Кыргызстан, *skn12@mail.ru*

**AVDIY KALLISTRATOV, ROBERT BORK AND ARSEN SAMANCHIN:
TYPOLOGICAL COMMONITY AND GENETIC RELATIONSHIPS (FROM CH.
AITMATOV'S NOVELS "THE BLOCK", "THE BRAND OF CASSANDRA"
AND "WHEN THE MOUNTAINS FALL")**

©*Sardarbek kzy N.*, Ph.D., Kyrgyz National University
named after Jusup Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan, *skn12@mail.ru*

Аннотация. В статье с точки зрения компаративной методологии рассматриваются образы героев романов Ч. Айтматова «Плаха», «Тавро Кассандры», «Когда падают горы». Автор основное внимание уделяет аспекту концепции личности, анализируя прежде всего идейную сущность образов Авдия Каллистратова, Роберта Борка и Арсена Саманчина. Сопоставительный анализ данных образов выявляет их типологическую и генетическую общность, которую можно рассматривать в свете идейно-тематических, сюжетных автозаимствований, переключек. В этом аспекте перспективными и продуктивными представляются исследования генетической общности образов героев в указанных романах Ч. Айтматова с точки зрения способов и приемов психологического изображения, отдельных изобразительно-выразительных средств, речевых характеристик.

Abstract. The images of the heroes of Ch. Aitmatov's novels «The Scaffold», «The Brand of Cassandra», «When the Mountains Fall» are considered in the article from the point of view of comparative methodology. The author focuses on the aspect of the concept of personality, analyzing primarily the ideological essence of the images of Avdiy Kallistratov, Robert Bork and Arsen Samanchin. A comparative analysis of these images reveals a number of their typological and genetic commonality, which can be considered in the light of ideological and thematic, plot auto-borrowings, and echoes. In this aspect, studies of the genetic commonality of the images of characters in these novels by Ch. Aitmatov seem promising and productive from the point of view of the methods and techniques of psychological depiction, individual figurative and expressive means, and speech characteristics.

Ключевые слова: компаративная методология, типологическое и генетическое сравнение, идейно-художественный аспект, проблематика, идеал.

Keywords: comparative methodology, typological and genetic comparison, ideological and artistic aspect, problems, ideal.

Исследование романного творчества Ч. Айтматова в свете компаративной методологии представляется, думается, актуальным и позволяет глубже понять аспекты творческой

эволюции писателя. Продуктивным данный подход представляется в плане анализа системы образов в творчестве Ч. Айтматова.

Типологическое и генетическое сравнение лежит в основе сравнительно-исторического (сопоставительного) метода, или компаративистики. Данный метод направлен на сопоставление двух или более литературных произведений, литературных структур, созданных в разных языковых культурах. Синтез типологического и генетического сравнения позволяет выявить общее и особенное в образах героев, в частности, сходство черт которых обусловлено общностью происхождения данных черт в творчестве одного и того же писателя. По нашему мнению, интерес в этом отношении представляют герои романов Ч. Айтматова – Авдий Каллистратов («Плаха»), Роберт Борк («Тавро Кассандры») и Арсен Саманчин («Когда падают горы»).

Типологическая общность героев рассмотренных в статье романов объясняется, на наш взгляд, социальным статусом героев – их принадлежностью к культурному, интеллигентному слою общества. Сюда же, видимо, можно отнести род деятельности героев: Авдий и Арсен – журналисты. Роберт Борк – футуролог, который также публикуется в газетах. При этом все трое в определенном смысле – мыслители. Генетическое родство героев, как нам кажется, обусловлено их нравственными исканиями, которые во многом равнозначны подобным исканиям самого Ч. Айтматова. Этим героев можно считать в той или иной мере резонерами, выразителями авторского идеала, этических воззрений самого писателя. В этом состоит их идейно-художественная функция.

Авдий Каллистратов, бывший семинарист, работает журналистом в газете. Ему около тридцати лет. О внешнем облике героя говорится следующее: «У Авдия Каллистратова было бледное высокое чело; как многие люди его поколения, он носил волосы до плеч и отпустил плотную каштановую бородку, что, впрочем, если и не очень украшало, зато придавало его лицу благостное выражение. Серые навывкате глаза его лихорадочно поблескивали, в них выражался непокой духа и мысли, который был присущ его натуре, что приносило ему великую отраду от собственных постижений, а также многие тяжкие страдания от окружающих людей, к которым он шел с добром...

Ходил Авдий большей частью в клетчатых рубашках, в свитере и джинсах, в холод натягивал пальтецо и старую меховую шапку, еще отцовскую» [1, т. 4, с. 43].

«Авдий учился в духовной семинарии, откуда он был изгнан «как еретик-новомысленник. Авдий работал в ту пору внештатным сотрудником областной комсомольской газеты. <...> Авдий Каллистратов надеялся со временем, с упрочением своего журналистского имени, найти некую приемлемую форму, некую пограничную идеологическую полосу, позволившую бы ему высказывать столь актуальные и столь жизненно важные, по его убеждению, новомысленнические представления о Боге и человеке в современную эпоху в противовес догматическим постулатам архаичного вероучения» [1, т. 4, с. 42].

Авдия посылают от редакции газеты в Среднюю Азию – он решил проследить, какими путями наркотическое зелье – конопля – попадает в европейские районы страны и поработает молодых людей.

Авдий активный сторонник добра, гуманист и верный последователь Христа, повторяющий в каком-то смысле крестный путь своего великого учителя. Авдий одержим идеей «сделать так, чтобы в балансе человеческих мучений поубавилась бы, пусть на мизерную долю, доля худа и прибавилась бы доля добра» [1, т. 4, с. 219]. Он полон сострадания к ближнему, кроток, но вместе с тем пытается целенаправленно, активно,

добрым убеждением, внушением обратить заблудшие души на путь истинный. Авдий, к примеру, пытается убедить главу шайки наркоманов, Гришана, в том, что «над нами есть Бог как высшее мерило совести и милосердия» [1, т. 4, с. 137]. И, возможно, семена добра, посеянные Авдием, дадут всходы в изломанных, несчастных душах наркогонцов.

Роман «Тавро Кассандры», по нашему мнению, еще нуждается в детальных исследованиях со стороны литературоведения, философии, психологии, социологии, этики. В нем содержатся глубинные смысловые пласты, которые имеют важное, прежде всего, духовно-нравственное значение. Исследователь, профессор Ч. Джолдошева верно отметила в свое время, что роман «Тавро Кассандры» «заставляет задуматься о вечных проблемах бытия человечества» [2, с. 95].

Наука и совесть – одна из ключевых проблем романа. В финале романа Ч. Айтматов высказывает через размышления Филофея главную мысль: «...достижения науки преходящи, на какие бы головокружительные высоты она ни поднималась, прогресс науки нескончаем, но он ничто в сравнении с совестью» [1, т. 5, с. 259]

Вопреки трагическим развязкам в романе, как считает исследователь М. С. Мискина, «произведение Айтматова преодолевает нигилизм, прославляя добрые и светлые начала в природе человека, потому что вера в разум человеческий, пусть и далеко не совершенный, но все же способный путем саморефлексии достичь истины, является его базисной основой» [3].

Образ Филофея, без сомнения, очень яркий, является сюжетно-композиционной и идейно-нравственной опорой романа. Не менее ярок и столь же первостепенен его западный протагонист – Роберт Борк. Данный образ обнаруживает ряд типологических и генетических сходств с Авдием Каллистратовым и Арсеном Саманичным. Приведение отдельных параллелей между образами Авдия Каллистратова и Роберта Борка позволяет обозначить их общность в аспекте идейно-эстетического содержания авторской концепции. При этом особое внимание заслуживает образ Роберта Борка в его сопоставлении с образами Авдия и Арсена Саманчина, так как он наиболее полно отражает мировосприятие и мироощущение самого автора. Это подчеркивается художественно обусловленными внешними факторами (род деятельности, возраст, мобильность, чуткость к животным и способность отождествляться с ними и пр.).

Что касается возраста и внешнего облика Роберта Борка, то автор описывает его «седым мосластым стариком, с крупными, подвижными чертами лица, с темными глубинами глаз в морщинистом прищуре, с еще крепкой шеей и крепкими губами. Он был Старой скалой, как назвали его однажды франкфуртские журналисты» [1, т. 5, с. 183]. Упоминается, что Борк носил шляпу (в эпизоде, когда Борк отправляется на верную гибель к разъяренным людям) и очки, ходил часто с фотоаппаратом.

Роберт Борк – футуролог, мыслитель, который, подобно Авдию, является активным носителем добра, человечности. Роберт Борк, так же как Авдий и Арсен Саманчин, активно участвует в культурной жизни. Он пишет статьи – научные и публицистические, в частности, в газету «Трибюн», ставя целью – «проникнуться сознанием того, что надвигается генетическая катастрофа, необходимо буквально каждому и всему человечеству в целом» [1, т. 5, с. 103]. Роберт Борк проводит презентации, пресс-конференции, участвует в международных конференциях: «Опять международная конференция, собор интеллектуалов, опять нескончаемые дискуссии, ставшие образом жизни этой космополитической среды, дискуссии, перетекающие одна в другую в круговороте мнений и предреканий» [1, т. 5, с. 25].

Если Авдий одержим желанием произвести фурор своей статьей о наркомании, то Роберт Борк мечтает о монографии, которая также дойдет до сознания людей: «И однако же думалось. О новой, быть может, итоговой монографии. Предстояло завершить незавершаемое – свою "Песнь песней". Если удастся, конечно. Если удастся на основе многолетних исследований вывести мысль к порогу новых научных предвидений. По мнению Роберта Борка, современному человечеству предстояло столкнуться с совершенно новыми проблемами, его ожидали неведомые прежде, общие для всех испытания, как, если бы вдруг охладилось солнце или, напротив, стало горячее, это коснулось бы всех и всюду» [1, т. 5, с. 28]. Также и Арсен Саманчин мечтает сочинить текст к опере «Вечная невеста»: «– Я давно мечтаю об опере "Вечная невеста". Если бы удалось...» [КПГ, с. 214]

Как Авдий является последователем Христа, так Роберт Борк выступает в каком-то смысле как alter ego космического монаха Филофея. Только он не совершает, в отличие от Филофея акта публичного самоубийства, а становится жертвой разъяренных заблудших людей. Подобно Авдию, который предпринимал попытки вразумить браконьеров и гонцов за анашой, Роберт Борк намерен вразумить тех, кто не понимает нависшей над всеми угрозы. «...Они должны понять, что я не прячусь от них. Я хочу, чтобы они знали: бунт не может остановить генетическую деграцию, наоборот, насилие лишь ускорит приближение апокалиптического финала. Я хочу сказать им, что тавро Кассандры – это вызов, брошенный нам судьбой. Каждый сигнал кассандро-эмбриона касается всех нас. И если мы это поймем, то есть выход, есть шанс. Надо оглянуться, чтобы увидеть, что впереди» [1, т. 5, с. 180].

В одной из статей мы писали о том, что Арсен Саманчин «важен для нас и идейно значим как характер, как социальный и человеческий тип. Думается, что Арсен Саманчин в творчестве писателя представляет собой первый законченный и цельный образ кыргызского интеллигента...» [4, с. 87]. Арсен – «независимый журналист, владеющий в совершенстве английским языком, романтик-идеалист, не может "пристроиться" к современной жизни...» [4, с. 87].

Несколько слов скажем о возрасте героя, его внешнем облике. Возраст Арсена прямо обозначен в романе – «под сорок» [5, с. 71], он, подобно Роберту Борку, носит шляпу (Айдана Самарова за привычку носить шляпу называет Арсена «Шляпником» [5, с. 42]). Атрибутом Арсена также является машина «Нива» (характерная деталь для переходной эпохи девяностых – «нулевых» годов). Машина имеется также у Роберта Борка в «Тавре Кассандры».

Для Арсена Саманчина, подобно Авдию и Борку, «идея для него превыше всего на свете» [5, с. 53]. Он крайне переживает, что теперь, в эпоху рынка, вытеснены «на обочину классические ценности» [5, с. 58], прежде всего ценность высокой и чистой любви, ярким воплощением которой для Арсена являлась легенда о Вечной невесте. Эту легенду мечтал он воплотить в будущей опере, написать к ней текст, чему помешали трагические обстоятельства его жизни.

Арсен Саманчин, как Роберт Борк, печатается в газетах, выступает на конференциях.

Подобно Авдию и Борку, Арсен – мыслитель, причем его размышления (нравственные, философские, религиозные, публицистические в статьях) практически такие же глубокие и сущностные, как размышления Авдия и Борка. При этом некоторые мысли данных персонажей встречаются в штыки теми, кто привык к догматическому мышлению.

Как был не понят Авдий с его идеями об обновлении религии, так был не понят не Арсена Саманчин с его идеей о духовном всеисилии человеческого слова. Так, редактор газеты «Новый путь» Кумаш Байсалов сообщает Арсену о том, какое впечатление произвело

на умы конфессиональных людей – христиан, мусульман, баптистов – выступление Арсена на конференции «Медиафорум Евразии», какую оно вызвало волну возмущения. Арсен, по их мнению, «покусился на существование Бога, самого Всевышнего поставил... в зависимость от своего "Слова"» [5, с. 122]. Религиозные деятели превратно истолковали мысль Арсена Саманчина: «...за пределами Слова нет ни Бога, ни Вселенной, и нет в мире силы, превосходящей силу Слова...» [5, с. 123]. Они не поняли, что Арсен вовсе не отрицает Бога, а только показывает мощь слова человеческого, способного выразить бытие Бога и красоту вселенной.

Так же не поняли церковные верхи Авдия Каллистратова с его идеей «о Боге-современнике» [1, т. 4, с. 88]. Авдий вовсе не отрицает Бога, он отрицает догмы. По его мнению, как развивается человеческая мысль, «Бог тоже должен иметь свойство развития» [1, т. 4, с. 90].

Как и Арсен, Авдий верит в силу слова, мечтая о том, чтобы его злободневная статья о наркомании произвела переворот в сознании людей, и потому в романе звучит мысль: «...если и вправду "Вначале было слово", то чтобы оно и осталось в своей изначальной силе...» [1, т. 4, с. 97]

Подобно Авдию и Борку, Арсен – герой с обостренной совестью. Он до конца всеми силами пытается избежать преступной авантюры, в которую его втягивает Таштанбек по кличке Ташафган. Лейтмотивом проходит здесь фраза: «"Дуйне ордундабы?" – "На месте ли мир"»? [5, с. 158]. Соучастие в преступлении немыслимо для Арсена Саманчина, и он пытается переубедить Ташафгана отказаться от преступного замысла. Арсена Ташафгана шантажирует и грозит расправой, деваться ему некуда. «Но мир внутри, в душе человеческой, в то же время, как он убедился на собственном опыте, может быть полностью сокрушен. И потому снова и снова кто-нибудь вопрошает: "Дуйне ордундабы?" – "На месте ли мир?"» [5, с. 158].

Гибель каждого из трех героев носит жертвенный характер. Никто из них не поступился своими моральными принципами, духовными убеждениями. Авдия распинает хунта браконьеров на саксауле. Роберт Борк растерзан непримиримо и враждебно настроенной толпой. Арсен Саманчин, чтобы сорвать преступный план Таштанафгана, вызывает огонь на себя.

Умиравший Авдий взывает к Богу: «...Ты, Всепрощающий, не оставляй в неведении нас... Прозрение ниспосли людскому роду...» [1, т. 4, с. 198]

Роберт успевает сказать, прежде чем его растерзает толпа: «– Кассандро-эмбрионы – это наша беда и наша вина. И мы должны держать ответ перед ними!» [1, т. 5, с. 183] Это его последняя попытка вразумить обезумевших людей, повернуть их сердца к добру.

Арсен Саманчин, умирая от полученных смертельных ран, обращается ко всем близким для него людям со словами раскаяния. Он просит, чтобы его простили любимая Элес, дядя Бектур, вставший на преступный путь Таштанафган, земляки.

При различии сюжетных развязок, наблюдается общность мотиваций героев. Каждый из них уходит из жизни бесстрашно, в твердом убеждении своей правоты: Авдий Каллистратов, Роберт Борк, Арсен Саманчин верят в неизбывное добро, верят в силу любви, в частности любви к людям. Их жертвы не напрасны.

Духовным подвигом Авдия, к примеру, всецело вдохновляется читатель. Л. Укубаева писала, что «...для писателя жизнь наркоманов и хунты как социальная проблема не имеет особого значения, эти события нужны лишь для того, чтобы показать, как поведет себя Авдий в неожиданной жизненной ситуации, чтобы раскрыть внутренние резервы его

человечности и совести. Для Ч. Айтматова в первую очередь было важно показать, что в основе борьбы Авдия лежит его вера и человеческая совесть» [6, с. 280–281].

Жертвенные поступки Роберта Борка и Арсена Саманчина служат примером не только для читателей. Роберт Борк вдохновляет журналиста Энтони Юнгера, у которого нет страха перед расправой, главное – донести истину до людей, продолжить дело Борка. Символично, что Роберт Борк умирает практически на руках у молодого журналиста Энтони Юнгера, своего верного последователя, единомышленника: «В какое-то мгновение лицо футуролога вдруг будто прояснилось, едва заметно дрогнули веки, и Юнгер увидел его взгляд. Их глаза встретились. Возможно, Борк узнал Юнгера. Они увиделись впервые в жизни и тут же расстались. Навсегда, навечно. Голова Роберта Борка откинулась навзничь...» [1, т. 5, с. 185].

После Арсена Саманчина остается его рассказ «Убить – не убить». Элес обязательно донесет его до людей, этот могучий пацифистский посыл. Даже Таштанафган извлек урок из гибели бывшего друга и, скорее всего, встанет на путь доброй жизни.

Генетическое сходство, как нам кажется можно проследить в присутствии анималистических образов в момент гибели Авдия Каллистратов и Арсена Саманчина. Рядом с умирающим Авдием оказываются волки Акбара и Ташчайнар. Волчица узнала человека, который некогда поиграл с ее малышами. Тогда она мягко его проучила, перепрыгнув через испугавшегося Авдия. Теперь же умирающий Авдий «с трудом приоткрыл веки и тихо прошептал, обращаясь к поскуливавшей волчице:

– Ты пришла... – И голова его безвольно упала вниз» [1, т. 4, с. 239].

Здесь мы наблюдаем автореминисценцию писателя. Ср.: «с трудом приоткрыл веки» со словами в приведенной выше цитате: «едва заметно дрогнули веки» (эпизод смерти Роберта Борка).

Справедлива, думается, точка зрения Т.Б. Васильевой-Шальневой о том, что «...образ Акбары включен в реализацию гуманистической парадигмы произведения... эпизод гибели Авдия Каллистратова, когда к нему... распятому людьми, приходит зверь, волчица, и в ее появлении... герой ощущает особый смысл как воплощение вселенского сострадания к его боли физической и душевной...» [7].

Смертельно раненный Арсен умирает в одной пещере вместе с Жаабарсом, также умирающим от шальной пули: «Арсен Саманчин лежал рядом, привалившись боком к туловищу подыхающего барса, так было удобней. "Вот и встретились напоследок"...» [5, с. 232].

Справедливо отмечает Л. Укубаева, что сюжетную линию о Жаабарсе можно рассматривать прежде всего как метафору «роковой судьбы Арсена Саманчина» [8, с. 213].

Видимо, образы китов в романе «Тавро Кассандры» также можно рассматривать как метафору не только судьбы Филофея, который, подобно китам, совершил акт самоубийства, но и судьбы Роберта Борка, который сознательно пошел на гибель от рук разъяренной толпы. Исследователь Васильева, говоря об отношении Борка к китам, констатирует особое отношение футуролога к этим существам: «...восхищение их красотой, тревожные предчувствия грядущих бед, жалость и ужас от увиденного самоубийства (киты без видимой причины выбрасываются на берег). Китов герой часто видит и во сне, отождествляя себя с одним из них и пытаясь прочувствовать его поведение изнутри» [7].

В творчестве Ч. Айтматова связь судьбы человека и животного, чаще всего в роковом стечении обстоятельств, является достаточно убедительным, на наш взгляд, фактом генетического сходства сюжетно-образных структур его произведений, в частности рассматриваемых в данной статье романов.

На основе вышесказанного мы можем констатировать, что генетические сходства между героями Ч. Айтматова носят в какой-то мере характер автозаимствований, концептуальных переключек. Предстоит еще в этом плане исследовать, к примеру, мотивы, связанные с духовной одинокостью героев (Авдия, Борка, Арсена Саманчина), с благоговейным отношением к музыке в романах «Плаха» (староболгарские церковные песнопения), «Тавро Кассандры» (размышления Роберта Борка о музыке как философской категории осмысления жизни) и «Когда падают горы» (оперные выступления Айданы Самаровой, замысел оперы «Вечная невеста»), с личной жизнью героев (к примеру, Авдий и Инга Федровна, Роберт Борк и Джесси Борк, Арсен и Айдана, Арсен и Элес). Отдельно важно исследовать, думается, историко-социальные реалии, связанные с деталями жизни и быта героев в эпоху 80-х годов в «Плахе», 90-х годов – в «Тавре Кассандры», «нулевых» годов – в романе «Когда падают горы».

Исследования в этом направлении могут оказаться продуктивными, если, помимо сюжетных, идейно-тематических особенностей, мотивной структуры, более детально рассмотреть способы и приемы психологического изображения герой романов Ч. Айтматова, в частности психологическое описание и повествование, портретные и речевые характеристики, изобразительно-выразительные средства — все, что может помочь обнаружить именно генетические сходства между образами Авдия Каллистратова, Роберта Борка и Арсена Саманчина.

Список литературы:

1. Айтматов Ч. Полное собрание сочинений: в 8 т. Алматы: БТА Банк, 2008.
2. Джалдошева Ч. Т. Взгляд на отечественную литературу: Научно-критические статьи разных лет. Бишкек, 2014. 288 с.
3. Мискина М. С. Мотив жертвоприношения в романе Ч. Айтматова «Тавро кассандры» // Вестник Томского государственного университета. – 2003. – №. 277. – С. 152-159.
4. Сардарбек кызы Н. Сюжет и система образов в романе Ч. Айтматова «Когда падают горы (Вечная невеста)» // Вопросы литературы и искусства. 2007. С. 86-90.
5. Айтматов Ч. Когда падают горы: Вечная невеста. СПб.: Азбука-классика, 2007. 480 с.
6. Укубаева Л. Чингиз Айтматов: эстетика и национальная основа. Бишкек, 2017. 292 с.
7. Васильева-Шальнева Т. Б. «Апокалипсическая диалогия» Ч. Айтматова (романы «Плаха» и «Тавро Кассандры») // Филология и культура. 2013. №2 (32). С. 89-93.
8. Укубаева Л. Художественное мастерство Чингиза Айтматова. Б.: Турап, 2019. 252 с.

References:

1. Aitmatov, Ch. (2008). Polnoe sobranie sochinenii. Almaty.
2. Dzhaldosheva, Ch. T. (2014). Vzgl'yad na otechestvennuyu literaturu: Nauchno-kriticheskie stat'i raznykh let. Bishkek. (in Kyrgyz).
3. Miskina, M. S. (2003). Motiv zhertvoprinosheniya v romane Ch. Aitmatova "Tavro kassandry". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (277), 152-159. (in Russian).
4. Sardarbek kyzy, N. (2007). Syuzhet i sistema obrazov v romane Ch. Aitmatova "Kogda padayut gory (Vechnaya nevesta)". In *Voprosy literatury i iskusstva*, 86-90. (in Russian).
5. Aitmatov, Ch. (2007). Kogda padayut gory: (Vechnaya nevesta. St. Petersburg. (in Russian).
6. Ukubaeva, L. (2017). Chingiz Aitmatov: estetika i natsional'naya osnova. Bishkek. (in Kyrgyz).

7. Vasil'eva-Shal'neva, T. B. (2013). “Апокалипсическая дилогия” Ч. Айтматова (romany “Plakha” i “Tavro Kassandry”). *Filologiya i kul'tura*, (2 (32)), 89-93. (in Russian).
8. Ukubaeva, L. (2019). *Khudozhestvennoe masterstvo Chingiza Aitmatova*. Bishkek. (in Kyrgyz).

*Работа поступила
в редакцию 18.03.2022 г.*

*Принята к публикации
23.03.2022 г.*

Ссылка для цитирования:

Сардарбек кызы Н. Авдий Каллистратов, Роберт Борк и Арсен Саманчин: типологическая общность и генетические связи (по романам Ч. Айтматова «Плаха», «Тавро Кассандры» и «Когда падают горы») // Бюллетень науки и практики. 2022. Т. 8. №5. С. 756-763. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/78/93>

Cite as (APA):

Sardarbek kyzy, N. (2022). Avdiy Kallistratov, Robert Bork and Arsen Samanchin: Typological Community and Genetic Relationships (From Ch. Aitmatov's Novels "The Block", "The Brand of Cassandra" and "When the Mountains Fall"). *Bulletin of Science and Practice*, 8(5), 756-763. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/78/93>